

ISSN 2307-4671

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ
И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

ВЫПУСК VI

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2013

ISSN 2307-4671

The Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Altai State University
Faculty of the political science
Department of the religion science and state-confessional relations
Laboratory of the ethnocultural and religion science research

**THE WORLDVIEW OF THE POPULATION
OF THE SOUTH SIBERIA AND CENTRAL
ASIA IN THE HISTORICAL RETROSPECTION**

VI ISSUE

BARNAUL – 2013

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М64

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *П.К. Дашковский*

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук *Л.Н. Ермоленко*
доктор культурологии *Л.С. Марсадолов*
доктор исторических наук *Т.Д. Скрынникова*
доктор философских наук *О.М. Хомушку*
доктор исторических наук *Л.И. Шерстова*
доктор исторических наук *С.А. Яценко*

М64 **Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе** : сборник статей / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – Вып. VI. – 266 с.: ил.

В сборнике представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху Средневековья и в период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, новым религиозным движениям, а также особенностям государственно-конфессиональной политики.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей религий и культуры народов Азии.

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии «Этнокультурные и политические процессы как факторы исторической динамики религиозной ситуации в трансграничном пространстве юга Западной Сибири и Западной Монголии» (проект №13-21-03001)

© Оформление. Изд-во Алтайского госуниверситета, 2013

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М64

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (Doctor of Historical Sciences)

Editorial board:

L.N. Ermolenko (Doctor of Historical Sciences)
L.S. Marsadolov (Doctor of Culturological Sciences)
T.D. Skrynnikova (Doctor of Historical Sciences)
O.M. Homushku (Doctor of Philosophic Sciences)
L.I. Sherstova (Doctor of Historical Sciences)
S.A. Yatchenko (Doctor of Historical Sciences)

М64 The worldview of the population of the South Siberia and Central Asia in the historical retrospection / Ex. editor P.K. Dashkovski. – Barnaul, 2013. – VI Issue. – 266 p.

In the collection of the papers the results of the research of the various world view system of the people lived on the territory of the South Siberia and Central Asia in ancient times, in the epoch of the Middle age and in the period of the ethnographical present. Series of works are devoted to the research of the religious beliefs and rituals of the modern and traditional societies, new religious movements as well as the features of the state-confessional relations.

The book is directed towards the specialists of the religious study, historians, archaeologists, ethnographers, specialists on the cultural studies and everyone who are interested in the history of religions and culture of the people of Asia.

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

I. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

<i>Дашковский П.К.</i> Некоторые аспекты междисциплинарных исследований в отечественном религиоведении	9
<i>Ковтун И.В.</i> Прообраз варуны на кинжале из Сеймы	18
<i>Сотникова С.В.</i> О семантике парных погребений андроновской эпохи	36
<i>Нуржанов А.А.</i> Мусульманское денежное отношение Средней Азии и Казахстана в эпоху Средневековья (VII–XVIII вв.)	50
<i>Пилипчук Я.В.</i> Католицизм у кыпчаков	62
<i>Руденко С.А.</i> Могильники Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды как источник по изучению мировоззрения средневекового населения Волго-Камья: вопросы систематизации	72
<i>Тишин В.В.</i> Некоторые заметки о служителях культов у древних тюрков VI–VIII вв.	102

II. САКРАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА И ПАЛЕОАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А.</i> Наблюдательная астрономия и системы счисления времени бронзового века Северной Хакасии (к проблеме астрального характера религии жречества окуневской культуры)	120
<i>Сериков Ю.Б.</i> Культы и обряды древнего населения Среднего Урала по материалам пещерных святилищ р. Чусовой	147
<i>Шелепова Е.В.</i> Сакральное пространство в культурах кочевников Саяно-Алтая и Западной Монголии раннескифского времени	166
<i>Шевченко Д.В.</i> Половая символика в христианстве как архаический, культурный феномен (по материалам полевых исследований росписей в христианских храмовых комплексах в Каппадокии. Турция)	179

III. ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ, ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ И РОССИИ

<i>Бүрэн-Өлзий И., Цэдэв Н., Баяртунгалаг Г.</i> Некоторые результаты исследования по религиозным вопросам, проведенного в Ховдском аймаке.....	192
<i>Жанбосинова А.С.</i> О деятельности контрреволюционных религиозных групп в восточном регионе Казахстана в 30-е гг. XX в.	203
<i>Запорожченко А.В., Славко В.Е.</i> Элементы шаманизма в народных религиозных традициях Южной Европы (на примере словенских и хорватских кресников).....	215
<i>Останин В.В.</i> Вайшнаизм на Алтае (двадцать лет спустя).....	224
<i>Содномпилова М.М.</i> Культ монгол-бурханов в традиции западных бурят	230
<i>Цэдэв Н., Бүрэн-Өлзий И., Баяртунгалаг Г., Пурэвсурэн Ц.</i> Город Ховд как центр пересечения мировых религий.....	238
<i>Шерстова Л.И.</i> Бурханизм и проблема новых идентичностей народов Горного Алтая	243
<i>Эшматова Г.Б.</i> Повышение значимости религиозных объединений в расширении демократизма духовно-нравственной сферы жизнедеятельности	251
Список сокращений	259
Сведения об авторах	261

Сериков Ю.Б. Скальные культовые памятники Шайтанского озера // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). Курган, 2007. С. 42–49.

Сериков Ю.Б. Галечные скульптуры – изобразительные символы обрядовой деятельности древнего человека // Миф и символ в прошлом и настоящем. Нижний Тагил, 2007а. С. 28–39.

Сидоров В.В. Манок – музыкальный инструмент эпохи неолита // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка. М., 1987. Ч. 1. С. 157–163.

Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах на Уральских горах // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1880. Т. 6, вып. 1. С. 1–31.

Теребихин Н.М. Освоение арктического пространства как сакральный феномен // Проблемы историко-культурной среды Арктики: тез. Междунар. симпозиума. Сыктывкар, 1991. С. 131–132.

Тэйлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1939. 567 с.

Широков В.Н., Чаиркин С.Е., Чемякин Ю.П. Уральские писаницы. Река Нейва. Екатеринбург, 2000. 50 с.

Широков В.Н., Чаиркин С.Е., Чемякин Ю.П. Уральские писаницы. Река Тагил. Екатеринбург, 2005. 110 с.

Е.В. Шелепова

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В КУЛЬТУРАХ КОЧЕВНИКОВ САЯНО-АЛТАЯ И ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ*

Способы организации погребально-поминальных комплексов, жертвенных площадок и святилищ в любое время подчинялись определенной системе мировоззренческих представлений о строении реального и потустороннего мира. Погребальный ритуал и действия, совершаемые после действительного или символического захоронения тела умершего, относятся к обрядам перехода (Геннеп ван А., 1999, с. 149–150). Проводимые мероприятия имели своей целью преодоление смерти – одной из критических точек бытия

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №10-01-00544а/Чел «Древние и современные культовые места Алтая: инвентаризация, картографирование и оценка их роли в сакрализации территорий в символическом и историко-культурном планах»).

(Байбурин А.К., 1991, с. 26–27), обеспечивали преемственность (Топоров В.Н., 2005, с. 492–493), безопасность и процветание коллектива.

Центральную часть любого ритуала занимает *жертвоприношение* – способ установления коммуникации, средство связи между миром профанным и сакральным (Новик Е.С., 1984, с. 135–136; Жуковская Н.Л., 1993, с. 79). Цели принесения жертвы могли быть различными: жертва-дар, жертва-посланник, жертва-сопроводитель или транспорт в иной мир (Дмитриева Т.Н., 2000, с. 13, 20, 28). При доставке жертвы исключительное значение приобретала ритуальная ориентация – направление, по которому жертвенный дар или умерший (его душа) должны были направиться, чтобы попасть в предназначенное им пространство (Косарев М.Ф., 2000, с. 46).

При изучении разных обрядов наиболее целесообразно применять комплексный подход, позволяющий восстановить весь цикл погребальных, поминальных и других действий, идентифицировать их и разграничить. Чаще всего в археологических исследованиях погребальный и поминальный обряды не отделяются друг от друга временем и пространством. Используется емкий термин «погребально-поминальный обряд» (Ольховский В.С., 1999, с. 115). Между тем поминальный обряд – это совокупность мероприятий, совершаемых в течение определенного времени после захоронения. На какой-то стадии они могли синхронизироваться с погребальными действиями. Следы таких поминок идентифицируются по «дополнительным» костям животных в могиле, специальным внекурганам сооружениям.

В настоящей статье, которая продолжает серию публикаций аналогичной тематики (Шелепова Е.В., 2009, 2010), анализируются схемы организации сакрального пространства на погребально-поминальных комплексах раннескифского времени, предлагаются возможные варианты назначения разнообразных «внемогильных» сооружений и объектов («поминальнички», «жертвеннички» и др.). Поставленные задачи решались через последовательный анализ объективно наблюдаемых признаков археологических памятников:

1. Топография и планиграфия – особенности размещения ритуальных сооружений на местности, территории могильника или жертвенного комплекса.

2. Морфология – форма и конструкция памятников.

3. Сакральная ориентировка (принципы размещения относительно стран света и разных элементов комплекса).

Источниками для предпринятого исследования послужили материалы ряда памятников бийкенской культуры Алтая (конец

IX – 2–3-я четверть VI в. до н.э.) и синхронных комплексов из Западной Монголии, Тувы, Восточного Казахстана и Тянь-Шаня.

Могильники бийкенской культуры сгруппированы по 2–3 объекта или небольшими компактными микрогруппами (до 5 сооружений), ориентированными в меридиональном направлении по линии ЮЗ–СВ. Курганную насыпь в ряде случаев окружала кольцевая выкладка («крепида» или «стенка»). Погребальные камеры ориентировались по линии ЮВ–СЗ. Умерших хоронили в каменном ящике, устроенном на уровне древнего горизонта. Одной из особенностей обряда было захоронение лошади отдельно от человека, в ящике или яме с юго-восточной стороны, вплотную к конструкции для погребения человека, на некотором от нее расстоянии, но под одной курганной насыпью. Гораздо реже человек и лошадь помещались в одну погребальную камеру (Тишкин А.А., 1996). Вместо целой туши животного в ящик иногда укладывался только череп.

«Внемогильные» памятники представлены несколькими типами сооружений и объектов. Первый составляют подовальные или подквадратные сооружения: *кольца-выкладки* (ограничены только выложенными по периметру камнями) и *вымостики* (внутри заполнены в один–два слоя небольшими, а по периметру оконтурены более крупными камнями). Названные конструкции занимают разные части околокурганного пространства.

I. Относятся к конкретным курганам.

1. Выкладка или вымостка с одной стороны кургана: а) с севера (Тыткескень-VI, курган №85, Чоба-7, курган №2, Большой Яломан-I, курган №1); б) с северо-запада (Большой Яломан-I, курган №2); в) с юга (Покровский Лог-3, курган №3); г) с юго-запада (Семисарт, курган №2); д) с юго-востока (Кызык-Телань-I, курган №52, Тыткескень-I, курган №10 и 11).

2. Выкладки или вымостики одновременно с нескольких сторон кургана: а) с северо-востока и юго-востока (Покровский Лог-4, курган №27); б) с севера и северо-востока (Семисарт, курган №1); в) с юга и востока (Усть-Бийке-IV, курган №1).

II. Устроены вне связи с погребениями.

1. Находятся между курганами или в одной цепочке с ними (Кызык-Телань-I, выкладки №13, 22).

2. В стороне от погребений (Кызык-Телань-I, выкладки №24–25, 35–36, 43; Чоба-7, вымостики к югу от курганов №1 и 2), составляют ряд, вытянутый по линии З–В или ЮВ–СЗ.

При раскопках некоторых указанных сооружений найдены кальцинированные кости животных, фрагменты керамики, следы кострищ в виде золы и углей.

Вторую категорию ритуальных объектов составляют вертикально установленные камни. Существовало несколько способов их размещения (Шелепова Е.В., 2008).

1. Надкурганые стелы и изваяния устанавливались вертикально в курганной насыпи, над ящиком с погребением человека и/или лошади. Обычно они смещены с места своей первоначальной установки, что могло произойти в результате ограбления кургана или продемонстрировать факт надругательства над обычаями «бийкенцев» враждебными им группами населения (Тишкин А.А., 2007).

2. Околокурганые камни помещались вблизи или на небольшом расстоянии от погребального сооружения, в случае наличия кольца – за его пределами, с одной или одновременно двух противоположных сторон. В достоверно зафиксированных ситуациях камни устанавливались в различных точках западного и/или восточного сектора околокурганной площади, иногда на одной линии с погребальной камерой.

3. Изваяния «жертвенных» комплексов не связаны с погребениями, хотя нередко находятся от них неподалеку (памятники долины Юстыда). Камни составляют меридиональные ряды, «сопровождаются» кольцами-выкладками со следами кострищ и фрагментами керамики.

Из 18 учтенных нами надкурганых изваяний семь имели следы обработки и изобразительные реалии. Почти все обелиски относятся к наиболее распространенному, так называемому обще-евразийскому типу «оленных» камней (Шелепова Е.В., 2010). Только на одном камне зафиксированы изображения животных, выполненные в реалистичной манере (курган №17 памятника Кызык-Телань-I). На остальных изваяниях обнаружены лишь «уступчик» в нижней части, скошенность в верхней зоне. Околокурганые «оленные» камни встречены только на памятнике Ак-Алаха-II. Вместе с изваянием в центре кургана они составляли меридиональный ряд. Памятник уникален тем, что на отдельных скульптурах сочетаются изобразительные реалии, характерные для разных типов «оленных» камней (Полосьмак Н.В., 1993, с. 22).

Типичные для бийкенской культуры погребальный обряд и модель организации сакрального пространства обнаруживают об-

ширные аналогии в синхронных культурах Центральной Азии: алды-бельской, тасмолинской и др. В обозначенное и более раннее время в Западной Монголии существовала культура, характеризующаяся херексурами и «оленными» камнями (Савинов Д.Г., 2002, с. 82). По ряду признаков бийкенская культура близка майэмирской культуре, локализованной в Западном и Северо-Западном Алтае и Предалтайской равнине (Тишкин А.А., 2003). Рассмотрим эти аналогии подробнее.

Для алды-бельской культуры Тувы (конец VIII – конец VI в. до н.э.) характерны округлые, обнесенные крепидой и заключенные в ограду курганы (Савинов Д.Г., 2002, с. 84–85, 94–95). Под одной насыпью находится одно или несколько, расположенных вокруг «главного» погребений в каменных ящиках, неглубоких грунтовых ямах, деревянных рамах или на уровне древнего горизонта. Умершие укладывались в скорченном положении на левом или правом боку, головой на запад, северо-запад. Сопроводительный инвентарь редок, но в целом типичен для раннескифского времени; не характерны сопроводительные конские захоронения. Специально отметим «оленные» камни и необработанные стелы, обнаруженные за оградой (в пристроенных к ней небольших выкладках, оградках), в насыпях или на поверхности курганов.

Культурогенез культур раннескифского времени Тувы и близлежащих территорий происходил в русле или при значительном влиянии комплекса аржанских традиций (Савинов Д.Г., 2002, с. 100–101). В свою очередь значительное воздействие на формирование облика памятника Аржан в Северной Туве оказала традиция херексуров (Чугунов К.В., 2002, с. 143). Она получает широкое распространение в Центральной Азии в период поздней бронзы и раннескифское время. Херексуры – сложноорганизованные разнотипные сооружения, которые, однако, имеют схожие признаки конструкции и погребального обряда. В общем плане это курганы, состоящие из каменной насыпи, заключенной в ограду разных форм, с различными «дополнительными» сооружениями вокруг нее. Под насыпью почти 50% раскопанных объектов найдены безынвентарные погребения. Обряд погребения имеет много сходств с бийкенской культурой. Могила устраивалась на уровне древнего горизонта: в валунной камере, цисте, каменном ящике, яме, комбинированных конструкциях. Умершие укладывались внутри таких камер, ямах или на древней поверхности, вытянуто на спине, гораздо реже на боку с согнутыми ногами и ориентировались головой на запад

или северо-запад (Цыбиктаров А.Д., 2003, с. 83–84). Важным элементом архитектурной композиции памятников были разнотипные ритуальные сооружения и «оленные» камни.

В отличие от Тувы и Монголии, где зафиксирована преемственность культурного развития, на Алтае культура раннескифского времени появляется уже в сложившемся виде и не имеет связи с традициями поздней бронзы (Тишкин А.А., 2007, с. 97). В то же время бийкенские курганы сближаются с херексурами определенной планировки: круглой оградой, расходящимися (радиально или крестообразно) лучами, жертвенно-поминальными сооружениями, «оленными» камнями. Согласно радиоуглеродным датировкам такие комплексы возводились в конце эпохи поздней бронзы и раннескифское время и были широко распространены в Западной Монголии (Эрдэнэбаатар Д., 2009). Херексуры подобной планировки выявлены и на Алтае, но ни один из них должным образом не изучен. Самый северный херексур расположен в Центральном Алтае (местность Кур-Кечу). Его отличают выкладки с запада и «курганчики» с востока (Тишкин А.А., 2009, рис. 1). Крупный очаг локализации херексуров находится в долине Юстыда (Юго-Восточный Алтай). Среди них имеются курганы с круглой оградой, радиально расходящимися лучами, выкладками в западном и восточном секторах околокурганной площади (Goossens R., 2006, fig. 14). Подчеркнем, что в Западной Монголии, Туве, Тянь-Шане отмечены разнообразные способы включения ритуальных сооружений в сакральное пространство херексуров: 1) устроены с восточной и западной стороны курганов и как бы «оггибают» их по окружности; 2) расположены только с одной (западной или восточной) стороны херексуров. Так, на памятнике Улаан худаг-I (Западная Монголия) ритуальными сооружениями занят только западный сектор херексура, отличающегося наличием круглой ограды и радиально расходящихся лучей (Тишкин А.А., 2006, с. 110).

Безусловно, для корректного сравнения характерных для разных культур схем организации сакрального пространства требуются раскопки памятников широкими площадями. До сих пор исследовались только погребальные камеры или отдельно раскапывались «сопроводительные» сооружения херексуров. Под «курганчиками» восточного сектора нередко фиксируются конские черепа. В остальных выкладках найдены угольки и фрагменты кальцинированных костей животных. «Курганчики» с захоронениями голов лошадей выявлены на площадях херексуров и с круглой, и с квад-

ратной оградой (Erdenebaatar H.D., 2007, p. 202–203). Данное обстоятельство может указывать как на одновременный период бытования двух типов погребальных сооружений, так и на некоторые схожие элементы в содержании ритуальной практики.

Традиция использования в погребальных и жертвенных обрядах лошадиных голов получает распространение в раннескифское время. Разные манипуляции с головой лошади характерны для погребального обряда «бийкенцев». Отдельные части черепов находят в погребальных конструкциях, в том числе под «дополнительными» сооружениями (Шелепова Е.В., 2007, с. 187).

В структуру погребальных и жертвенных комплексов раннескифского времени за пределами Алтая широко включались стелы и изваяния-«оленные» камни. Способы их размещения многообразны. Обычно они согласуются с обозначенными выше ситуациями на бийкенских памятниках. В.В. Волков (2004, с. 16), проанализировав нахождение «оленных» камней в составе разных памятников, разделил их на несколько типов «жертвенников». Исследователь полагал, что «оленные» камни (преимущественно евразийского типа) связаны только с херексурами, выделяющимися своими размерами, почти всегда имеющими круглые ограды и радиально расходящиеся «лучи». На основе наблюдений в Монгольском Алтае А.А. Ковалев (2007, с. 100) установил, что «оленные» камни не характерны для курганов с квадратной оградой. Д.Г. Савинов (1994, с. 143) соотнес известные типы «оленных» камней с разными памятниками и заключил, что «жертвенникам» соответствуют наиболее ранние изваяния – со стилизованными изображениями животных, а погребениям – саяно-алтайского и «общеевразийского» типов. Очевидно, для подтверждения этих выводов требуются дальнейшие научные изыскания.

Первоначальный облик большинства херексуров нарушен вследствие ограбления или осквернения. Но скорее всего «оленные» камни, обнаруженные в пределах курганных насыпей или поблизости от них, первоначально были установлены в центре кургана, над погребальной камерой (ящиком или цистой).

Объяснение охарактеризованных моделей организации сакрального пространства затрудняется тем, что вплоть до хуннуского времени Северная Азия была практически полностью исключена из сферы действия письменных источников. Однако при решении проблемы могут использоваться тексты китайского и индоиранского происхождения: Ригведа (далее – РВ), Атхарваведа, Чхандогья

Упанишады, И-Цзин («Книга перемен», или «Канон перемен»), Ши-Цзин («Книга песен», или «Канон поэзии»). Некоторые из них уже привлекались для анализа семантики погребальных конструкций бийкенской культуры (Тишкин А.А., Леонова И.Ю., 2005). Предположения о происхождении и развитии названной общности подтверждают необходимость изучения данных материалов. Есть мнение, что в процессе этногенеза бийкенской культуры приняли участие племена из северо-западных районов Китая (Тишкин А.А., 2005). Не исключены также контакты с другими племенами Азии.

Гимны РВ в единый сборник оформляются в XI–X вв. до н.э. Более поздние произведения (самхиты, араньяки, брахманы) относятся к VIII–VI вв. до н.э. (Бонгард-Левин Г.М., 2001, с. 57).

«Книга перемен» создана в Китае при Чжоуской династии (XI–III вв. до н.э.) (Шуцкий Ю.К., 1993; Кравцова М.Е., 1994), что по археологической периодизации соотносится с началом раннескифского времени. Смыслообразующим звеном произведения является идея изменчивости, положенная в основу теории гадания о деятельности человека. Состоящая из разновременных разделов антология «Ши-Цзин» оформлена несколько позднее – на рубеже VI–V вв. до н.э. В произведении охарактеризованы различные сферы жизнедеятельности населения Китая значительного временного промежутка: с раннего этапа Западного Чжоу (XII–X вв. до н.э.) и до конца эпохи «Чуньцю» («Весны и осени», VIII–V вв. до н.э.).

Наибольшее соответствие с кодами пространственной ориентации и содержанием обрядов, зафиксированных в археологических памятниках раннескифского времени, обнаруживается в Упанишадах (Тишкин А.А., 2005).

В названных источниках каждая из сторон света обладает своим сакральным значением. В ведических текстах восточная сторона именуется «жертвенной ложкой», южная – «страдающей», западная – «царицей», северная – «благоденствующей» (Чхандогья Упанишады, III, 15, 2; Атхарваведа, III, 10, 7). Для умилоствивания всех богов жертвы могли приноситься всем сторонам света одновременно, однако в большей степени они обращались к восточной, соляной зоне (РВ, I, 86, 5; I, 188, 4; III, 6, 10). Под влиянием выпитого сомы поэты воспаряли к умершим предкам, которые находились в высшей части неба (РВ, IX–X). В Чхандогья Упанишадах (V, 19, 2) говорится, что «...когда удовлетворяется небо, то удовлетворяется все, что находится под небом и солнцем». Смотреть на

восток при жертвоприношениях означало получить духовное очищение (Чхандогья Упанишады, IV, 6–8; Подосинов А.В., 1999, с. 95).

Север и восток считались сферой богов (т.е. благоприятными направлениями), юг – областью Ямы, царством мертвых (РВ, X, 14, 1) и одновременно наиболее солнечной стороной, связанной с жертвой. Хранителем юго-восточной стороны в ведийской символике является бог огня Агни, северо-восточной стороны – Сома. В погребальном ритуале «бийкенцев» сакрализация благоприятной юго-восточной зоны отразилась в захоронениях на этой стороне жертвенных лошадей, выступавших сопроводителем и транспортом в иной мир.

В обрядах жертвенного цикла исключительная роль отводилась голове лошади. В ведических текстах она соотносится с утренней зарей, солнцем, а в зооморфной модели Вселенной – с восточной стороной света. На мощь и силу коня указывается в китайской «Книге перемен» (Шуцкий Ю.К., 1993, с. 259). Особое отношение к животному отражено в его реалистичных изображениях на «оленных» камнях, разнообразных предметах декоративного искусства, петроглифах раннескифского времени (Членова Н.Л., 2000).

На стороне солнечного заката, согласно индоиранским источникам, размещена страна предков (Чхандогья Упанишады, II, 9, 8), которым предназначались обильные жертвоприношения (Атхарваведа, III, 29). Поминование «отцов», в разное время ушедших из земной жизни, описано в Ригведе (X, 15, 17.-8). Умершие предки (питары) деинфицировались, им предназначались обильные жертвоприношения (Атхарваведа, III, 29). Отношение к ним было двойственным: с одной стороны, их почитали и просили у них поддержки (РВ, X, 1, 5, 11, 15), с другой – отгораживались от них, боялись. То и другое предполагало периодическое общение с предками и «отцами».

Если обратиться к китайской традиции, то стоит отметить следующие наблюдения. В эпоху Чжоу в Китае резко возрастает количество обрядов жертвоприношений предкам, богам и духам, Небу и Земле (Васильев Л.С., 2001, с. 73). Упорядочиваются поминальные обряды (Тишкин А.А., 2007, с. 111). Центральным пунктом всей религиозно-этической системы указанного времени был культ мертвых предков. Принесение жертвы предкам рассматривалось в качестве долга и обязательства каждого последующего поколения (Ши-Цзин, II, VI, 5.-VI).

Согласно пространственной символике И-Цзин, запад и юго-запад считались областью тьмы, а восток и северо-восток – областью света (Шуцкий Ю.К., 1993, с. 50). В более поздней по проис-

хождению китайской литературе (I в. до н.э. – I в. н.э., например, трактат «Чу цы») в космологических сюжетах господствует та же оппозиция: восток – запад. Запад ассоциировался с закатом солнца и мыслился как страна смерти; по этому направлению следовала душа умершего (Кравцова М.Е., 1994, с. 17).

По совокупности рассмотренных данных можно полагать, что западная сторона в кодах пространственной ориентации населения бийкенской и других культур раннескифского времени являлась неблагоприятной частью мира. Это объясняет ориентацию человека и лошади в погребениях головой в западный сектор, а лицом – на юг или юго-восток. В то же время удалось установить, что у «бийкенцев» характерная для многих культур оппозиция север–юг и запад–восток при ориентации погребальных конструкций и размещении цепочек курганов была смещена по линии ЮВ–СЗ (для первого случая) и ЮЗ–СВ (для второй ситуации). Оппозиция двух сторон света хорошо маркирована размещением ритуальных сооружений. Как отмечалось выше, они могли находиться на юго-востоке и северо-западе, либо занимать какую-либо одну точку пространства. Существование таких кодов подтверждает также то, что дуги ритуальных сооружений вокруг херексуров на северо-запад и юго-восток либо северо-восток и юго-запад не смыкаются. Выкладки и вымостки, пристроенные с востока, юга, юго-востока, северо-востока к бийкенским курганам, «курганчики» восточного сектора херексуров следует рассматривать как «жертвенники». Сооружения к западу и северу от курганов имели другое назначение и служили для поминания умерших («поминальники»). Аналогичные представления о сакрализации отдельных зон околокурганного пространства отразились на других памятниках Центральной Азии.

Разные точки сакральной площади отмечались установленными в вертикальном положении камнями. Стелы, найденные у основания западной и восточной полы курганов, могли выполнять функцию коновязей (Тишкин А.А., 1996, с. 45, 47). Указанное назначение подтверждается также фактом обнаружения под некоторыми изваяниями и стелами захоронений лошадей.

Другую функцию выполняли стелы или изваяния, помещавшиеся над погребальной камерой в центре курганов. Вероятнее всего, они олицетворяли «памятный знак» умершему (Ольховский В.С., 2005, с. 51). В похоронном гимне Ригvedы (X, 18, 13) столб выступает элементом образа дома, который сооружают умершему для продолжения его существования в царстве мертвых и ассоциирует-

ся с подпоркой кровли жилища. Стелы занимали центр сакрального пространства, воплощали ось мироздания, символизировали мировое древо. Как считал В.С. Ольховский (2005, с. 87), такие изваяния несли в себе «скрытый» антропоморфный образ. Д.Г. Савинов (1994, с. 147) полагает, что на них изображались мертвые люди, своеобразный сакрализованный образ после пересечения грани из мира живых в мир мертвых. Кроме того, они выражали коммуникативную, медиативную функцию, обеспечивая связь мира живых с миром мертвых, были предназначены для передачи регламентированных ритуалом ценностей и жертвоприношений.

Изваяния на выкладках и вымостках (в том числе с захоронениями лошадей или только их голов) можно интерпретировать как «жертвенные» столбы. Отдельный гимн жертвенному (божественному) столбу размещен в Ригведе (III, 8). Такой столб воздвигался перед жертвенным костром с целью благоприятной передачи жертвы богам и ассоциировался с упорядоченностью и стабильностью (РВ, III, 8, 1–11; IV, 6, 3; V, 29, 2). Столб также сравнивается с конем и олицетворяется с яркими зорями (РВ, IV, 6, 3; IV, 51, 2).

Таким образом, «оленные» камни и стелы в разных комплексах выполняли, по меньшей мере, три основных функции:

1. Памятный знак умершему. 2. «Жертвенный столб». 3. Коновязь.

В заключение подведем некоторые итоги. Анализ разных традиций подтвердил, что религиозно-мировоззренческая система населения раннескифского времени и, в частности, бийкенской культуры носила синкретичный характер и включала, по меньшей мере, два компонента, значение которых еще предстоит оценить. Околокурганные ритуальные конструкции на памятниках бийкенской и некоторых других культур раннескифского времени разделены на «жертвенники» (восточный сектор) и «поминальники» (западный сектор). Кроме того, зафиксированы жертвенники, представлявшие самостоятельные комплексы взаимосвязанных конструкций. Конкретное место отводилось вертикально установленным стелам, в том числе «оленным» камням. Выделенные функции стел и изваяний отражают условия их нахождения в структуре разных комплексов, но не исчерпывают всего многообразия значений этих монументальных памятников.

Отдельного исследования ожидает разработка семантики херексуров. Безынвентарный характер большинства погребений, колоссальные трудовые затраты на их возведение позволяют предполагать, что некоторые или большинство курганов выполняли функ-

цию святилищ, обсерваторий, в которых находили реализацию многие древние культы. В этой связи отметим, что при изучении погребальных конструкций «бийкенцев» также обнаружен их полисемантический характер: могила являлась «домом» умершему и алтарем для его жертвоприношения (Тишкин А.А., 2005).

Библиографический список

- Атхарваведа: избранное / пер. с санскр. М., 1976. 405 с.
- Байбурин А.К. Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этнознаковые функции культуры. М., 1991. С. 23–42.
- Бонгард-Левин Г.М. Древняя Индия: история и культура. СПб., 2001. 288 с.
- Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 2001. 488 с.
- Волков В.В. Оленные камни Монгольского Алтая // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004. С. 9–21.
- Геннеп А. ван. Обряды перехода. М., 1999. 198 с.
- Дмитриева Т.Н. Жертвоприношение: поиски истоков // Жертвоприношение: ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М., 2000. С. 11–22.
- Жуковская Н.Л. Жертвоприношения // Религиозные верования (свод этнографических понятий и терминов). М., 1993. С. 79–82.
- Косарев М.Ф. Приобщение к внесемным сферам в сибирском язычестве (по жертвенным ритуалам и погребальным обрядам) // Жертвоприношение: ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М., 2000. С. 42–53.
- Кравцова М.Е. Поэзия Древнего Китая: опыт культурологического анализа – антология художественных переводов. СПб., 1994. 544 с.
- Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М., 1984. 304 с.
- Ольховский В.С. К изучению скифской ритуалистики: посмертное путешествие // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999. С. 114–136.
- Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М., 2005. 299 с.
- Подосинов А.В. EX ORIENTE LUX! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. 720 с.
- Полосьмак Н.В. Исследование памятников скифского времени на Укоке // Altaica. Новосибирск, 1993. №2. С. 21–31.
- Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1989. 758 с.
- Ригведа. Мандалы IX–X. М., 1999. 560 с.
- Ригведа. Мандалы V–VIII. М., 1999. 743 с.
- Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994. 208 с.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культуригенез). СПб., 2002. 204 с.

Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 20–54.

Тишкин А.А. Бийкенское святилище в Горном Алтае // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. СПб., 2000. С. 210–215.

Тишкин А.А. О соотношении бийкенской и майэмирской археологических культур Алтая раннескифского времени // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003. С. 164–166.

Тишкин А.А. Проблема происхождения бийкенской культуры Алтая раннескифского времени и выделение основных этапов ее развития // Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2005. Ч. I. С. 322–327.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 356 с.

Тишкин А.А. Крупный херексур в Центральном Алтае (Онгудайский район Республики Алтай) // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Ховд; Томск, 2009. С. 74–78.

Тишкин А.А. Погребальная практика носителей бийкенской культуры: семантика археологического комплекса / А.А. Тишкин, И.Ю. Леонова // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк, 2005. Т. II. С. 179–194.

Тишкин А.А. Археологические изыскания в Ховдском аймаке (предварительное сообщение) / А.А. Тишкин, Б. Нямдорж, П.К. Дашковский, М. Нямсурен, Ч. Мунхбаяр // Эколого-географические, археологические и социоэтнографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии. Барнаул, 2006. С. 107–114.

Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. I: Теория и некоторые частные ее приложения. М., 2005. 816 с.

Упанишады / пер. с санскр. М., 2000. 782 с.

Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья середины II – первой половины I тыс. до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2003. №1(13). С. 80–97.

Членова Н.Л. Олени, кони и копыта (о связях Монголии, Казахстана и Средней Азии в скифскую эпоху) // РА. 2000. №1. С. 90–108.

Чугунов К.В. Херексуры Центральной Азии (к вопросу об истоках традиции) // Северная Евразия в эпоху бронзы. Барнаул, 2002. С. 142–149.

Шелепова Е.В. Новые сведения о захоронениях конских черепов (по результатам исследования памятника Тыткескень-VI) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007. С. 185–188.

Шелепова Е.В. Ритуальные памятники кочевников Алтая поздней древности: систематика и анализ // Известия Алт. гос. ун-та. Сер.: История. 2008. №4/2. С. 223–230.

Шелепова Е.В. Изучение морфологии сакрального пространства погребально-поминальных памятников кочевников Алтая раннескифского времени в контексте реконструкции ритуальной практики // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Т. II: Общественные науки. Ховд; Томск, 2009. С. 55–61.

Шелепова Е.В. Вертикально установленные камни на памятниках кочевников Центральной и Северной Азии в период поздней бронзы и раннескифское время // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2010. С. 143–147.

Шицзин. Книга песен и гимнов / пер. с кит. А. Штукина. М., 1987. 350 с.

Шуцкий Ю.К. Китайская классическая книга перемен. М., 1993. 382 с.

Эрдэнэбаатар Д., Ковалев Д. Археологические культуры Монголии в бронзовом веке // Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2009. С. 70–84.

Goossens R. Satellite imagery and archeology: the example of CORONA in the Altai Mountains / R. Goossens, A. Wulf de, J. Bourgeois, W. Gheyle, T. Willes // Journal of Archeological Science. 2006. №33. P. 745–755

Erdenebaatar H.D. Funeral and sacrifice ritual of the horse in the bronze age of Mongolia // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск, 2007. С. 201–209.

Д.В. Шевченко

*Восточно-Сибирская государственная академия образования,
Иркутск*

**ПОЛОВАЯ СИМВОЛИКА В ХРИСТИАНСТВЕ
КАК АРХАИЧЕСКИЙ, КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН
(по материалам полевых исследований росписей
в христианских храмовых комплексах в Каппадокии. Турция)**

Скрытый символизм христианских росписей представляет собой уникальнейший социокультурный феномен, требующий научного осмысления на уровне междисциплинарного взаимодействия. Прибегая к концепции архетипов и используя метод сравнительного семантического анализа, перед исследователем-интерпретатором открывается сложный и противоречивый процесс формирования христианской культуры, которая органично включила в себя элементы первобытного видения мира.